

РЫБА ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Андрей Бинев

Андрей Бинев

Рыба для президента

«Автор»

2010

ББК 84.(2Рос-Рус)6

Бинев А.

Рыба для президента / А. Бинев — «Автор», 2010

ISBN 978-5-373-03266-7

Когда гонка вооружений во время холодной войны достигла пика, в Томск с тайным визитом приехал сам... Де Голль! Только все тайное в России рано или поздно становится явным. И тогда начинается очевидное и невероятное. Президента Франции встречают плясками, танцами, образцово-показательными чиновниками и ценными подарками! А каким может быть ценный подарок для человека, у которого и так есть все, что он пожелает? Только чудо. Или чудовище. Которое еще нужно найти и поймать в дремучих таежных лесах и глубоких омутах. Роман Андрея Бинева написан в лучших традициях прозы Владимира Войновича и достоин бессмертной славы Чонкина!

ББК 84.(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-373-03266-7

© Бинев А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Бинев

Рыба для президента

Пролог

Величавая сибирская река гонит свои тяжелые, будто расплавленный свинец, воды с юга на север пять тысяч километров, до самого Ледовитого океана. Берега ее, разделенные сотнями метров, поросшие непроходимыми лесами, миллионы лет мрачно смотрят на свое отражение и друг на друга. Черные волны вылизывают песчаные отмели, обнажая бурый камень. Подрубленные водой стволы деревьев с треском наваливаются на воду и, подхваченные безжалостным течением, долгими месяцами кочуют к Полярному кругу, пока многометровая толща льда не скует реку и все то, что оказалось на ее поверхности за быстротечную весну и недолгое лето.

Осени здесь почти не бывает. Лишь только солнце к концу сентября лениво выползает из-за вершук вековых деревьев, тотчас теряет силу, без которой ему уже не подняться к мрачному серому небосводу. Листья за три ночи и три дня покрывают воду лоскутным глянцевым одеялом, и следом за первым колючим снежком приходит долгая белая зима, с метелями, скрипучими морозами и бледной пустошью спящей в летаргическом сне природы. Все замирает, цепенеет до весны. Все спит, копит силы, укрепляет дух, чтобы с первыми прямыми лучами омолодившегося солнца вновь устремиться к северу, куда гонит свои воды большая судоходная река.

Под вязкой свинцовой ее толщей в неведомых глубинах режет холодную воду острым носом гигантская рыба – сибирский осетр. Вдоль стремительной линии мощного тела, острых как бритва плавников и сильного хвоста скользят рассветные лучи небесного светила, размытые тяжелой водой. Рыба плавно идет по течению и, вдруг развернувшись, будто субмарина, с тупым упрямством устремляется навстречу ему. Все здесь близко ей, все родное, исконное, верное. И нет для рыбы иных вод, иной жизни и не бывает иной судьбы. Так было, так есть и так будет!

Утро садится с черного небосвода на землю сизой мглой. Земля, теряя терпение в ожидании его, успевает остыть за ночь. Но с рассветом, освежившись росой, тянется кверху своими сонными испарениями, словно ладонями, воздетыми ввысь. На границе земного дыхания и серой небесной мглы голубым матовым светом клубится плотный воздух. Вот-вот грянет новый день.

Но вдруг тяжелую незыблемость тишины разрывает мощный безжалостный рев, будто одновременно рвутся сотни смертоносных бомб. Мгла захлебывается ослепительно ярким огнем, и от земли, к дрогнувшему небу, в его все еще чернеющую холодную пустоту, натужно и упрямо устремляется сигарообразное стальное тело. Клубы дыма и огня не поспевают за ним, рвущимся в космос, подальше от земной тверди, от далекой холодной реки и тихо скользящей в подводной глубине рыбы. Это ракета, в нутро которой зашиты тысячи электронных механизмов, датчиков, проводов...

Несутся в разные стороны живое, отливающее стальным блеском, тело неразумной рыбы и мертвое умное стальное тело ракеты. Одно расщепляет плотную тяжелую воду, другое – густой, спрессованный собственной массой, воздух. Расставаясь навечно, они, и об этом еще не ведает никто на земле и никто во вселенной, уже неразрывно связаны историей, начинающейся здесь, в космической бесконечности двух стихий – воды и неба. Лучи солнца наконец утопают в глубинах сибирской реки, а утро озаряет еще спящую по соседству казахскую землю, только что покинутую мощной космической машиной.

Глава 1

Президент сидел в глубоком кресле, задумчиво глядя сквозь огромное окно на яркое, стремительно удаляющееся «солнце». За его спиной о чем-то шептались. Он не прислушивался, потому что заранее знал, о чем могут говорить и даже думать эти люди. Ему становилось скучно. Будто все повторялось в сотый раз, будто дежавю стало реальностью, а не реальность порождала дежавю. Генерал устал от ожиданий, дороги, здешней предупредительности и липкого гостеприимства. Огненный хвост ракеты все еще маячил в утреннем небе, проглядывая сквозь высокие облака. Де Голль поднялся и потянулся, подавив зевок.

– Господа, я удовлетворен.

Он потер руки, но и хозяева, и гости приняли это за аплодисменты и стали бойко бить в ладоши. Генерал поморщился, но все же несколько раз негромко хлопнул перчаткой о правую ладонь.

«Вот так всегда, – посетовал мысленно генерал. – Стоит сморозить что-нибудь, этому тут же придадут чуть ли не демоническое значение! И сам же, чертыхаясь, подхватишь собственную глупость, иначе придется признаться, что не все, что ты делаешь, имеет смысл. Нацию нельзя разочаровывать!»

Рядом с ним уже стоял Алексей Косыгин, мрачноватый премьер советского коммунистического правительства, с огромной черной бородавкой на щеке. Впрочем, генералу он нравился. В отличие от быстроглазого и, казалось, жуликоватого Брежнева, он выглядел сухим серым технократом. Военным нравятся такие штатские.

– Лиха беда начало, – Косыгин холодно усмехнулся.

Генерал с удивлением посмотрел на русского переводчика, не поняв, при чем здесь беда. Переводчик, молодой мужчина в мятом синем костюме, засмутился и пожал плечами.

– Так принято, господин президент. В русском языке это означает, что все удалось с первого раза.

Генерал улыбнулся и поощрительно покачал головой.

– Я хотел бы видеть представителя фирмы «Анженье».

Сзади шепнули:

– Он здесь, Ваше превосходительство. Ждет.

Генерал обернулся и посмотрел в сторону небольшой группы людей. Кто-то громко сказал:

– Анженье, фирма Анженье!

Вперед выступил полный мужчина лет пятидесяти, в полувоенной русской форме, подарке хозяев. Он учтиво поклонился и сделал еще один шаг в направлении де Голля. Генерал протянул ему худую руку, и тот бойко зацепился за нее своей мягкой ладошкой.

– Хорошо, мсье, очень хорошо! Русская ракета будет смотреть на землю французскими глазами. Не так плохо!

Все засмеялись, пришли в движение. Главный конструктор, которого тут все называли Павловым, кивнул. Французская разведка созналась де Голлю, что его истинное имя ей не известно.

– Анженье делает великолепную оптику. Мы, к сожалению, ничего подобного еще не придумали.

Кто-то в русской генеральской форме нервно дернул «Павлова» за рукав плаща. Но тот лишь неприязненно двинул плечами:

– Да ничего подобного! Я давно уже докладывал об этом. Я настаивал! Алексей Николаевич...

Косыгин устало отмахнулся:

– Знаю, знаю, товарищ... Павлов. Мы с вами об этом не раз говорили. Но... что делать! Не всегда же быть первыми! Когда-нибудь и мы... И все же, друзья, ракета-то летит! Наша ракета! На следующий запуск, очень скоро, приедут товарищи из европейских социалистических государств, все руководители... Огромная сила! Мощь!

– Это колоссально, отец! – подхватил молодой французский офицер в морской форме.

Все повернулись к нему и заулыбались. Сын президента все еще держал в руках мощный бинокль, через который почти с детским любопытством наблюдал за запуском «Востока». А он продолжал воодушевленно:

– Двадцать миллионов лошадиных сил, господа! Если собрать столько лошадей, во всей Франции им не хватит пастбищ! А вы видели инверсионный след этого гиганта! Шлейф королевы, да и только! Колоссаль! Колоссаль!

Де Голль кивнул и похлопал сына по плечу. Он оценил слова Косыгина вовсе не с технической точки зрения, как сын.

«Мощь! – подумал он, выходя на свежий воздух из наблюдательного пункта. – Наверное, мощь! А оптика все же наша!»

Глава 2

Полковник КГБ Павел Борисович Смолянский, одетый в серый слегка старомодный штатский костюм сидел в вагоне поезда, нервно поживаясь. Было жарко натоплено, но дрожь сотрясала его глубоко изнутри. Это было странно, непривычно. Смолянский болел всего лишь единожды: в детстве – скарлатиной. Болел так тяжело, так долго, что, видимо, отболел за всю оставшуюся жизнь. С тех пор его не беспокоила даже банальная простуда. Он не знал, что такое головная боль и расстройство желудка. А вот теперь, похоже, организм давал сбой: мелко, противно вибрировало что-то за грудной клеткой, словно трепетали под тяжестью груза стальные тросы.

Полковник не присутствовал на запуске ракеты. Там работали «гэрэушники» – коллеги из военного ведомства. Но он видел в окно, как поднялся к небу мощный «Восток», осветив всю округу и даже самые дальние уголки фешенебельного президентского вагона.

Это он, московский чекист, придумал операцию «Пальма-Один». Председатель КГБ СССР Семичастный ухмыльнулся, услышав название:

– Почему «Пальма»?

– Виноват, уж больно де Голль похож на это дерево. Высокий, худой...

– А вы пальму-то видели когда-нибудь? Живьем?

– Так точно. В Сухуми.

– Ну и?

– Они там маленькие... Как ненастоящие.

– Что ж вы тогда их с президентом сравниваете?

– На репродукциях видел... африканские. В Алжире такие имеются.

– М-да... На репродукциях... Да бог с ним, с названием! С предложениями вашими я ознакомился. Вроде бы все продумано. Имейте в виду, дело более чем ответственное. Это необычный гость. И, кроме того, с ним будет их разведка. Постарайтесь изъять из окружения наших, закрытых. Чтоб не «отсвечивали»!

– Это предусмотрено, товарищ председатель.

– С ответственным из ГРУ виделись?

– Так точно. Совместно разрабатывали. У них там свои меры.

– Полковник...

– Слушаю, товарищ председатель.

– Если все пройдет гладко, быть вам генералом!

...Полковник вздохнул, задернул занавеску на окне вагона. Сел в кресло. Кто-то постучал в дверь.

– Войдите.

Заглянул майор Власин из местного Управления, в ладно сидящей на нем полевой форме, в начищенных сапогах, в фуражке с необыкновенно высокой тульей.

– Павел Борисович, вас просят к гостям, в зону. Я здесь вместо вас... понаблюдаю.

– В зону? Это зачем еще?

– Не могу знать. Будут указания.

Смолянский внимательно посмотрел на Власина, молодого майора, которому он, будучи лишь на два звания выше, казался почти генералом. Все же московский, столичный полковник! Власин нравился Смолянскому – предупредительный и, похоже, неглупый. И говорит грамотно, не то что эти... военные выдвиженцы. Привычный московский говорок, акающий, чуть шепелявый.

«Вот произведут в генералы, заберу его в Москву. Обновлять надо кадры. Освежать, так сказать! – подумал он, прыгая со ступеньки на насыпь. – С чего это я?! Приятно, должно быть, генералом себя чувствовать. Уже почувствовал... Ну, Власин! Молодец! В Москву поедешь!»

Он засмеялся и зашагал в сторону зоны, вдоль которой светились яркие прожекторы. Было уже утро, светло, но прожекторы не погасили.

«Бесхозяйственность! – цыкнул он языком. – Во всем бесхозяйственность! Светят почему зря! А впрочем, пусть себе светят! Мне-то какое дело!»

Глава 3

В четырехстах километрах от места, где в холодных темных водах большой реки обитала гигантская рыба, в полутора тысячах километров от наблюдательного пункта, где скучал французский президент, очень-очень давно, еще в 1604 году, построили город. Деревянные мостовые, кривые улочки, черные срубы, несколько каменных зданий для администрации и приехавшей из европейской Руси диковатой аристократии, шаткие пристани на реке Томь – вот все, что представлял собой Томск во младенчестве.

Он был рожден, чтобы стать форпостом русской экспансии в Сибирь. Его окружала бескрайняя тайга, кишашая диким зверем, племенами ненцев и многих других народов, названия которых были так незначительны для русских пионеров этих территорий, что даже не все сохранились в нашей исторической памяти. Известны лишь некоторые – ханты, эвенки, манси... Иностранцам, да и что душой кривить, самим русским почти ничего не известно о многочисленных племенах тюркского и нетюркского происхождения, живших в бассейне Томи и Оби задолго до прихода сюда казаков Ермака. Ненцы, например, называли себя хасова, русские же звали их самоедами или юраками. Самоеды, кстати, – это странным образом переосмысленное слово самодийцы.

Эти племена, почти не претерпев изменений, существуют до сих пор – не защищенные от агрессивной, чужой им цивилизации, сообщества древних и порой даже дремучих людей. Если идти все дальше и дальше на восток, можно встретить их дальних родственников – эвенков, чукчей, а перевалив через Берингов пролив – эскимосов, а еще дальше – племена североамериканских индейцев. Только кожа становится у людей в этих, далеких от Сибири, местах краснее, а глаза – круглее. Но краснокожие родственники живут далеко, за болотами, тайгой, глубоководными реками, проливом и горами. Здесь же, в Сибири, в становищах местных племен, никто и не ведает о чудной своей родне.

Природа, расщепившая человечество на расы и отделившая людей друг от друга непроходимыми землями, сделала тем не менее все, чтобы приспособить организмы экзотических существ, например, к суровым сибирским условиям. Но и она оказалась бессильной перед нашествием белых европейцев, умудрившихся сломать быт, а порой и жизнь беззащитных доверчивых человечков. Они так и не поняли, зачем пришли чужие и чему они хотят научить их, живущих в непроходимой тайге, на берегу полноводных ледяных рек, питающихся редкой и исключительно дорогой для европейцев рыбой и икрой, так же, как в Европе, например, питаются огородной зеленью. Они никогда не понимали, в чем ценность золота и алмазов, которые добывались в этих местах приезжими. Ведь из этого не построишь дом, этим не согреешься в мороз, не насытишься в голод. Берите, однако, если хотите, свои блестящие игрушки, возьмите от нас в подарок и рыбу, и икру, и теплые меха. Берите! У нас этого много! Всем хватит...

Они редко доживают даже до сорока лет. Их организмы не приспособлены к расщеплению спиртного, но тем не менее бутылка водки, даже плохо очищенная, до сих пор самое желанное лакомство, местная валюта, за которую можно уступить то, что так дорого белым пришельцам, чего здесь всегда было в изобилии и что (если речь идет о съестном) местные племена считают немудреным угощением на своем повседневном столе. Приходи и бери! Никто не ударит по рукам, не вырвет из глотки, ничья кровь не прольется, разве что кого-нибудь из них, улыбчивых туземцев с «раскосыми» и добрыми «очами». Да мало ли! Закон – тайга, прокурор – медведь...

Главный человек в их племени – шаман. Селятся они родами и семьями, в которых основную роль играют мужчины, приземистые, жилистые, желтолицые.

Немец Брокгауз и петербуржец Эфрон на рубеже позапрошлого и прошлого веков в 86-томном энциклопедическом словаре сообщали об этих местах и главном городе: «Томск,

губернский город, на правом берегу реки Томи, 67 419 жителей; культурный и торгово-промышленный центр Западной Сибири; 123 фабрики и завода с производством на 3162 рубля, 20 кредитных учреждений, университет (784 студента), технологический институт (1016 студентов), 8 средних учебных заведений; благотворительные, ученые и другие общества, газеты; городской доход и расход 641 тысяча рублей, долг 1076 рублей»...

Север губернии, писали издатели, болотист, непроходим. Назывался он Нарымским краем и был местом ссылок, из которых бежать было делом хлопотным и крайне опасным: непроходимые леса, глубокие реки, долгая холодная зима и почти полное отсутствие дорог. Юг, напротив, плодороден, а все остальное – все те же леса, леса, леса... Тайга!

Почти триста тысяч человек, жившие тогда здесь, растили хлеб, умудряясь собрать кое-какой урожай за короткое лето, разводили скот, охотились на дорогого пушного зверя, собирали кедровые шишки, давили масло из их орехов, а еще ловили рыбу, добывали икру. Ту самую рыбу и ту самую икру, которую далеко не все цивилизованные европейские народы могут ежедневно видеть на своем изысканном столе.

Город рос и развивался, прибавляясь в народонаселении и копя долги. Словарь старого ученого немца и издателя-петербуржца безнадежно устарел. К Воскресенскому собору, магистрату, зданиям «присутственных мест», уютным теплым особнякам приросли дымный вокзал и шумный аэропорт. Разрезала тайгу близкая Транссибирская магистраль, отбросив еще дальше в непроходимую чашу немногочисленные теперь местные племена. В позапрошлом, то бишь XIX веке затрещала тайга от старателей, а с приходом суровых большевиков – еще и от рева неведомых стальных чудовищ, рождение коих на дымных заводах считалось наивеличайшим секретом государства. Речь об оружии дальнего действия, аналогов которому порой не имелось ни у тех, кто прижился на землях индейцев, дальних родственников ненцев и эвенков, ни у тех, кто селился на комфортных землях старой Европы.

Запомним эти места, этот город, не забудем и об оружии, ведь именно с этими не зависимыми друг от друга «объектами» связана наша сумасшедшая история.

А в холодной реке, плывет, как и прежде, серебристая гигантская рыба...

Глава 4

Майор Власин поскучал немного в президентском вагоне, полистав французские газеты, и вышел в тамбур. Хотелось курить. Ему всегда особенно остро хотелось курить, когда делать это было нельзя. И вообще, у него прямо руки чесались что-нибудь сделать, когда это решительно возбранялось. Саша Власин боялся самого себя. Он и в КГБ-то пошел лишь потому, что дед, старый вояка, категорически возражал.

Дед открыто не любил чекистов. Может, потому что когда-то Сашин отец, чекист, бросил семью – жену, сына, и ушел к молодой известной актрисочке. Дед так издевательски был упрям в своем презрении к чекистам, называя их «жандармским отродьем», что Саша однажды просто взял да и подал документы в одну из специальных школ в Москве. Дед тяжело переживал, отказался видеться с внуком. Но Саша, как настоящий представитель рода Власиных, проявил поистине дедовское упрямство.

Перед самой смертью, накануне выпуска Саши Власина и производства его в офицеры, дед наконец простил внука. Но пригрозил пальцем и строго посмотрел Саше в глаза. Только и сказал: «Не сметь! Слышишь! Не сметь!»

Что именно «не сметь» Саша так и не понял. И каждый раз, участвуя в очередном деликатном деле, напряженно думал: «Может, дед это имел в виду. Вот именно это и не сметь!» Ему приходилось труднее, чем коллегам. Им-то никто пальцем не грозил и не говорил: «Не сметь!» Они смели, а он – нет. Поэтому, наверное, однажды, подальше от греха, и загнали его начальники в Семипалатинск, а оттуда на далекий, пыльный летом, промозглый осенью и вьюжный зимой, Байконур. Саше очень хотелось домой, к маме и к старой, выжившей из ума бабке.

Он так и не женился. Жил с полукровкой (помесь казашки с русским), молоденькой медсестрой из санитарной части. Жил и грезил Москвой. Сестричка наивно поглядывала на него узкими глазками и пожимала плечиками: куда, мол, рвешься, касатик! Неужто здесь плохо? Разве бывает лучше?

Саша спрыгнул со ступенек на землю и только успел закурить, как услышал характерное постукивание металлического молота о буфера колесной пары. Вдоль вагона, в сопровождении солдата, с другой стороны насыпи шли двое рабочих. Они не торопились. Остановливались у каждой колесной пары, поругивались лениво, безадресно, звенели молотком, затягивались папиросным дымом и шли вразвалку дальше. Солдат устало брел за ними, сбрасывая с насыпи мелкие камни.

– И то хорошо, Серега, что этот... француз... приехал.

– А чего ж хорошего-то! Ну приехал! И уедет в свою Францию! Как миленький уедет! Век воли не видать!

– Скажешь тоже! Накличешь – «век воли не видать»! Типун тебе на язык. Куда ж ему деваться, как не во Францию? Сюда, что ли, в наши степи, в солончаках жить? Он тебе, что, казах? Он же француз! Президент! Генерал! Небось барон какой-нибудь или даже граф! Во как!

Рабочие остановились как раз напротив майора.

– А чего ж ты говоришь, хорошо, мол, что приехал?

– А как же! Кто бы стал дорогу сюда тянуть, если бы не готовились к французам? От Тюра-Тама, от станции... И платформу посадочную никто бы не стал строить. Ее мужики знаешь как прозвали?

– Как?

– Деголевкой. Во как!

– Почему это Деголевкой?

– Для него строили. Чтoб приехал. Деголя этот. Генерал то есть. Понял, голова два уха!

Солдат шваркнул каблуком по камням.

– Вы чего болтаете! Какой такой «деголя»? Деревня. Де Голль! Президент Республики Франции. «Деголя, деголя»... Говорят вам, говорят, а вы все свое!

– Тоже мне, яйца курицу учат! Ты-то откуда знаешь, сопляк?

– Я те не сопляк, а часовой. А знаю от политинформации. Чай в тысяча девятьсот шестьдесят шестом живем! Грамотные! «Деголя», «деголя»... Давай быстрее! Сейчас состав на «Деголевку» подавать будут! Не здесь же президент будет карабкаться в вагон!

Солдат ворчал где-то уже далеко. Майор слышал, как зло постукивают молотком рабочие по колесам.

Власин не хуже других знал, что такое эта колея. Без нее мучение было! Вот не приехал бы француз, так бы и ездил из Ленинска вместе с другими на испытательные комплексы «мотовозами»! Теперь порядок! Поездом, в вагончике! Как человек! Спасибо француз!

Три километра пути на «мотовозе», то есть на обычном открытом грузовике, было делом рискованным. Запрыгивали в машину только на ходу, потому что останавливаться водителям в Тюра-Там было запрещено под страхом суда. Однажды Власин и офицер-ракетчик, запрыгивая на «мотовоз», больно столкнулись лбами. Офицер угодил прямо под спаренные задние колеса, а Власин очнулся только в госпитале. Ему больше повезло. С поездом такого не может случиться: сели, поехали, приехали, остановились, вышли. Как в метро!

От зоны к вагону спешил полковник Смолянский. Он махнул Власину рукой. Майор подтянулся и незаметно выкинул недокуренную сигарету. Налетел ветерок, теплый, настойчивый. Красноватая пыль поднялась над головой. Мелкие колкие пылинки попали майору в лицо. Он сплюнул, но тут же смутился. Полковник был уже так близко, что Власин сумел разглядеть веснушки на его лице.

«Почему я их не замечал раньше?» – подумал он.

Майор понял – полковник бледен. Значит, всерьез взволнован. Поэтому обычно незаметные веснушки теперь выступили на его лице. На лбу Смолянского бисером поблескивали мелкие капельки пота.

– Идите к себе, майор. Срочно сдавайте дела. Полчаса на все-про-все! – резко сказал Смолянский и ловко запрыгнул на подножку вагона.

Майор в недоумении смотрел на него.

– Черт! Неужели не ясно! Вы едете с нами. Даже впереди нас...

Майор все еще недоумевал. Растерянность была так ясно написана на его лице, что Смолянский засмеялся:

– Ничего страшного, майор. Это не больно. Я отстоял вас перед вашим же генералом. Вы включены в специальную группу.

– Я должен собраться, товарищ полковник. Вещи дома...

– Чуть! Все, что необходимо, получите в первом вагоне у лейтенанта Стойкина. Быстро, черт вас побери!

Майор побежал к станционному домику с табличкой «Деголевка», в самом начале зоны, у основных ворот. Оттуда до управления минут десять быстрым шагом, значит бегом – три минуты с половиной. Попрощаться со всеми, доложить шефу – еще пять минут, обратно к поезду – три минуты. Пожалуй, можно уложиться.

Власин бежал, не чувствуя под собой ног. Впереди замаячила Москва, мама, полоумная бабка, их уютный, пахнувший старой кожей дом на Смоленской. Это дедовы португепи, ремни, старые сапоги, ножны от финского ножа, форменное кожаное пальто, потрескавшееся от времени... Саша Власин шел на запах, как усталый конь стремится к далекому жилью, как голодный волк чует отару, как шальной кот, втягивающий в свои розовые ноздри запах теплого молока.

Глава 5

Артур Егорович Петров, тщедушный, приземистый суетливый юноша, родился в Томске в старом бревенчатом доме у самого причала, когда-то целиком принадлежавшем его деду, потомственному портовику, заслуженно уважаемому человеку в здешних местах. Но к тому времени, когда родился Артур, в доме уже теснилось шесть семей, а дед допился до таких чертиков, что сын, невестка и жена запирали его в душевной маленькой комнатенке и выпускали во двор только по нужде три раза в день, по десять минут, и один раз за ворота – дойти до галантереи. Дед не простил власти реквизиции дома и, протестуя,пил «Тройной» одеколон, который покупал в галантерейной лавке. Так и почил в своей комнатке, с флаконом тройного в руках.

Артур как-то спросил, почему он хлещет только одеколон. Дед со знанием предмета ответил, что для малограмотных такелажников, матросов и машинистов железнодорожного депо это – одеколон, а для знающих людей – самый что ни на есть деликатесный благородный напиток «Джин». Русские, мол, не разобрались когда-то и приняли «джин» за парфюмерию. Вот он теперь ошибку и исправляет. Это его личный марш в ногу со всем цивилизованным миром, и за ним по этому пути еще пойдет вся страна. Шаги к западной цивилизации он делал такие поспешные, наполненные и решительные, что, видимо, обогнал страну навсегда, потому что Артур, даже став зрелым человеком, продолжал считать «Тройной» одеколоном, а джин всего лишь его близнецом по резкому парфюмерному запаху.

Отец Артура Петрова работал машинистом в депо. На него и намекал дед, когда ставил его профессию в один «темный» ряд с такелажниками и матросами. Егор Петров предпочитал водку. Всем остальным брезговал. Поэтому с дедом, то есть со своим отцом, у него застолья никогда не получалось. Он дожил до сорока девяти лет и скончался от сердечного удара во сне. Накануне излишне усугубил водочки, отчего сердце и не вынесло тяжести прошедшего дня.

Все это считалось вполне обычным для России – и пьянство деда с отцом, и отъем дома с его дальнейшим «уплотнением», и путаница предметов и их значений. Загадочным было лишь имя Артура. Почему вдруг в исконно русской, без примесей и нюансов семье появилось это имя, никто вразумительно объяснить не мог. Правда, сам Артур подозревал, что нарек его дед, в очередной раз решивший продемонстрировать темному окружению свою близость к западной цивилизации: Артур и «Тройной» одеколон, то есть джин... Больше ничего в голову не приходило.

Рос мальчик внимательным, незаметным. В школе звезд с неба не хватал, но безошибочно оценил свой потенциал и решил занять достойное место в управлении общественной жизнью. За этим самым общественным бытием, как известно, личных способностей не разглядеть – все обобществлено, усреднено и сглажено. Получилось с первых шагов – кон куренция отсутствовала. Его сверстники, как правило, с неохотой занимались этим невеселым делом. Артур Петров укрепился на общественно-бюрократических позициях, возглавляя аморфные юношеские массы в их неосознанном стремлении к всеобщему счастью, классовому равенству и многонациональному братству.

В армию молодой человек не попал – плоскостопие, загадочные шумы в сердце, хронический гастрит, да к тому же слишком малый рост. Он поступил в железно-дорожный техникум, возглавил там комсомольскую «ячейку», а после окончания курса обучения сразу был распределен в городской обком комсомола на мелкую, незначительную должность. Тогда же и женился. Катя, супруга, училась в техникуме сельскохозяйственном.

Родился сын, через год – второй. За это время Артур поднялся по службе всего лишь на ступеньку: здесь конкуренция присутствовала, и даже в весьма острой форме. Все были общественниками, а многие даже имели ярко выраженные видовые признаки: зоркий глаз, отлич-

ная реакция, великолепный слух, гибкое тело и острые зубы. Все это в той или иной степени обнаружилось и у Артура, разве что зубы оказались мельче, чем у других да немного страдала реакция и острота зрения. Зато почти всех он превосходил по гибкости тела и чуткости слуха.

Артур Петров проявил себя как человек сдержанный и надежный. Имел только две слабости. Первая досталась ему от отца с дедом. Правда, в отличие от своих ближайших родичей, у него не было явных привязанностей: не брезговал ни водочкой, ни самогончиком (правда, истины ради следует заметить – только очищенным), ни винцом (в основном недорогими портвейнами), ни наливочкой. От жены получал нагоняй, зато поощрялся коллегами по работе. Не отказывался сбежать за спиртным, закуской, накрыть на стол, напилить хлебешек и порезать жирную колбаску.

И все же Артур Егорович старался поменьше отсвечивать нетрезвой физиономией в «присутствии». Ощущал опасность – как бы ни прилипло, что склонен к выпивке, стало быть, ограниченно надежен. Посему сочетал он эту свою небольшую слабость с другой – рыбалкой. Да не просто с удочкой посидеть туманным утром на берегу Томи, поклевать носом, выпить бутылочку, закусить огурчиком да вернуться домой. Рыбалка для него была делом серьезным, ремеслом достойным, удовольствием превеликим. Так и говорил – дело, ремесло, удовольствие.

Всю местную рыбу, все ее хитрые повадки, жизненное расписание знал доподлинно: где какая тварь водится, на какой глубине ходит, когда и где нерестится, как ловится и с чем естся. А как Егорыч (на рыбалке его только так и звали, с уважением да признанием) уху варил! И тебе котелки к случаю (не всякий и не на всякую рыбу подойдет), и лучину только от подходящего дерева в жирном вареве гасил, и водочки плескал не сколько руке угодно, а сколько рыбе требуется. И поленца сам отбирал, подкладывал со знанием дела – не валил все подряд, а отбирал придирчиво, даже немного нервно. Позволял себе в этих случаях на людей покрикивать, ворчать, сердиться, супя редкие брови. В городе на тех же людей глаз бы не поднял, а не то что прикрикнул. А тут... другое дело! Они это ценили, принимали за экзотику истинной рыбалки.

Местные к нему тоже с доверием относились – ненцы. Доверяли, впрочем, как и всем, без задней мысли. То есть таковой у ненцев вообще-то сроду на задах сознания не водилось. Егорыч пользовался уважением и у местных диких рыбацких артелей, состоящих сплошь из спившихся личностей: никогда без водки не приезжал, лишнего не брал, по шее не бил и другим не велел. А об удилицах, сетях и прочих приспособлениях для лова различной рыбы нет смысла и вспоминать. Тут равного ему не было. Как и в знании опасностей, подстерегающих рыбака.

Как-то приехал из Москвы ко второму секретарю одного из райкомов партии (имени его никто и не вспомнит – мелкий, серый был человечиска, да и продержался недолго) именитый гость. И сразу захотел порыбачить. Вот тут-то и вспомнил секретарь про Егорыча и ну давай звонить его начальству: подать, мол, его к утру на выезд из города, и чтоб со всеми удочками, леской, крючками да сетями. Водки не надо, самим некуда девать! И чтоб с котелками, солью, картошкой и прочим для настоящей томской ухи. С гостем на рыбалку и второй секретарь собрался, и парочка инструкторов, и даже комсомолок каких-то прихватили.

Артур Егорович только обрадовался. А как же! И кутнуть, и рыбку добыть, и водочки попить, да еще с начальством побалагурить, понежиться в рыбацком панибратстве. Все к делу! Все с пользой!

Словом, поехали. От Томи долго добирались до Оби, где настоящая рыба в самых донных местах ходила, где ни души не встретишь, где эхо на рассвете звучит даже раньше голоса – только оттого, что подумаешь, чуть губами шевельнешь.

Захотелось гостю осетринки. Настоящей, сибирской, не старой еще, не очень крупной, но и не мелочи досадной. Из нее уха – великий деликатес! Снарядил все Петров, всех по местам поставил, и наловились рыбка «не большая, не маленькая».

Уху варили в двух котелках – в одном по-«егорычевски», а в другом – по рецепту важного столичного гостя. Причем тот секретничал, колдовал над котелком, пробовал на вкус бульон и со знанием дела закатывал к небу глаза, чмокал задумчиво губами, солил, перчил. Даже рыбу по-своему разделявал. Говорил, что рецепт достался ему от старого большевика, когда-то сосланного на Север советской властью. На старости лет древний, кругом больной одинокий дед наконец вернулся в Москву и, пытаясь восстановиться в разорившей всю его жизнь партии, в качестве добросердечной услуги поведаль об особом, «ссылнокасторжном», рецепте белужьей уха. Но то, что уха не белужья, а осетровая, московский партиец посчитал делом незначительным, второстепенным. Егорыч попытался заикнуться по этому поводу, но его грубо прервали, мол, когда это комсомол партию жить учил! Молоко на губах оботри!

Уха в «егорычевском» котелке изготовилась куда быстрее, чем в «гостевом». Все терпеливо ждали, так как знали, что гость человек злопамятный, мстительный, да еще к тому же занимает какой-то важный надзорный за Томской областью пост в Москве.

Наконец и его ушица дошла, и все расселись в круг. То из одного котелка отхлебнут, то из другого. В перерывах между ложками водочку принимали. Девушки жались к партийцам, пьяно перешептывались, цеплялись губками то за ухо, то за щеку, а то и губу какого-нибудь партийца, московского или местного, сладко прикусывали. Все шло как нельзя лучше и даже весьма многообещающе – и рыбку съесть и... словом, все остальное.

Трудно сказать, чья уха больше удалась (Егорыч мог поклясться, что его, но молчал, по понятным соображениям), но к тому времени, когда на дне котелков осталась одна лишь сочная рыба, все стали ее выхватывать и глотать. Вот тут и случился конфуз, который еще долго вспоминался в обоих обкомах – в комсомольском и партийном.

Егорыч, увидев, что подвыпивший гость подхватил крупный кусок осетрины, спинную часть с хрящевой визигой, и быстро заправил ее в широко разинутый рот, прыгнул на него акирь и мигом засунул в рот именитого москвича два своих перепачканных в золе пальца. Гость замычал, задергался, оба покатались по траве, кто-то из них ногой сбил один котелок, потом другой... Зашипел испуганно огонь от залившего его бульона.

Сначала все остолбенело смотрели на безобразную сцену, но потом, очнувшись, ухватились за комсомольца Егорыча и стали его отдирать от пьяного партийца. Девушки визжали, царапались, кусали Егорыча далеко не с эротической целью. Гость же крепко прихватил челюстями палец Егорыча, больно их жевал, вращал белками глаз, густо краснел и даже в какой-то момент стал синеть.

А Егорыч рычал:

– Отдай, плюнь, сдохнешь!

Наконец Егорычу удалось вытянуть изо рта высокого гостя полупережеванную визигу. Он откатился в сторону и кинул в траву свой улов. Московский партиец вскочил на нетвердые ноги, закашлялся и заорал:

– Скотина! Идиот! Тварь вонючая! Весь язык расцарапал, чуть не вырвал! Тебе чего, рыбы не хватило? Из глотки рвет, падла!

Артур Петров отдышался, поднялся на ноги и, обращаясь ко всем, стал что-то лепетать. Компания пребывала в недоумении, не зная, как поступить. Второй секретарь при этом испуганно икал и нервно подергивал головой.

Егорыч же не унимался:

– Нельзя хрящ, целиком нельзя! Осетр злая рыба, хоть только травкой да речной мелкой тварью питается. Визига, она ведь чего... в животе оживет и давай кишки рвать на части. Мертвый осетр, а злой! Так уж природа придумала. Ненцы никогда не едят спинные хрящи. Я, хотите, это... нарублю вам мелко ее, визижку-то, с сольцой, рубленой ее... можно. А кусками или целиком лучше не надо. Вы уж меня извините, товарищ... дорогой! Только если б я не прыгнул, сейчас бы все проглотили... и пиши пропало.

Наконец к нему прислушались. Гость долго ворчал, потом похлопал Егорыча по плечу и предложил выпить «на брудершафт». Так и поступили.

– Эх! – негодовал гость, будто оправдываясь перед девушками-комсомолками. – Специально ведь старая сволочь, враг народа, рецепт дал. Вредитель, мать его! Ну, я-то тогда сразу его раскусил! Такую характеристику забацал – не то что в партии восстановить, в прописке в Москве отказали. Обрато убрался в Коми! Но рецептик-таки меня запомнить вынудил, вражина. Небось по дороге сдох где-нибудь! Тоже мне «старая гвардия»! Знаем мы их, «гвардейцев»! Враги недобитые! Только бы партийного человека, ленинца, угробить! Сволочи!

Он уже не помнил, что «враг народа» ему не про осетра, а про белугу рассказывал. Да только теперь все равно было, что белуга, что осетр.

Зато в партийном обкоме теперь все знали, что Егорыч человек надежный, рыбак умелый, да еще свой «в доску». Вот был бы конфуз, если бы гостя, надзирающего за областью, из этой же области вперед ногами в столицу повезли, да еще с растерзанными осетровым хрящом кишками! Всем бы тогда досталось на орехи! А уж второму-то секретарю райкома тем более! Егорыч так понимал: того в Москву потому и забрали, что гость к нему хотел проявить благодарность за его, за Артура Егоровича Петрова рисковый, героический, можно сказать, поступок.

С тех пор Артура Егоровича Петрова в обоих обкомах прозвали «осетровым начальником».

Глава 6

Первого своего шефа майор Александр Власин запомнил не столько, потому, что первых учителей, первую любовь и первых начальников обычно запоминают на всю жизнь, а потому что очень мало, всего лишь месяц, прослужил под его началом и, главное, расстался с ним при весьма заметных обстоятельствах.

Полковник Рыбаков, флегма и большой умница, обладал редким аналитическим умом. А также слыл человеком с твердыми моральными устоями и непоколебимой нравственностью. Считал себя и своих офицеров главными жертвами системы, которой служил. На вопрос, почему не уходит, разводил руками: «Ближе к эпицентру – надежней!» Его бы давно уволили или засунули в какую-нибудь глушь, но только он единственный был способен глубоко исследовать сложную проблему и найти не только пути ее разрешения, но и определить корни появления, что всегда значительно опасней и потому трудней. Именно он готовил специальные доклады от имени председателя ведомства для партийного руководства страны. Все оставались довольны. Он же – безразличным и невозмутимым.

Однако его слабой, даже уязвимой стороной была сонливость. Полковник засыпал на совещаниях, на собраниях, когда один оставался в кабинете, или когда кто-нибудь из офицеров долго и нудно сообщал ему что-то с глаза на глаз. О Рыбакове легенды ходили, правда больше похожие на анекдоты. И когда Саша Власин впервые пришел на службу, то ему именно об этом, как о главной странности начальника, и поведали.

Власину тем не менее Рыбаков понравился сразу. И случалось, когда полковник на общем совещании сонно мурлыкал что-то себе под нос, Власин будил его легким толчком или кашлем на ухо. Полковник это ценил и благодарно усмехался, глядя на Сашу добрыми карими глазами. Тем не менее отдел полковника Рыбакова был лучшим. Потому что там не терпели дураков и мерзавцев. Прежде всего не терпел сам полковник и завещал это остальным. Своего рода заговор против кадровой косности – главное не анкета, а личность.

В отдел, по усвоенной в управлении кадров привычке, заведомых дураков и мерзавцев не присылали. Бывало, ошибались, но полковник чувствовал тех и других почти на биометрическом уровне. Поговорив с таким типом пару минут, он поджимал губы, глубокомысленно произносил: «М-да», после чего глаза застилала непроницаемая пелена презрения. Спустя день не пришедшийся ко двору человек куда-то исчезал. Порой он даже делал карьеру в других отделах, а однажды один из таких «неудачников» стал надолго начальником над Рыбаковым. Полковник усмехался ему в лицо и тяжело вздыхал. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы однажды того не направили руководить резидентурой в далекой северно-европейской стране. Дело он угробил уже через месяц, был в пожарном порядке отозван и назначен крупной шишкой в милицейском ведомстве. Там и стал генералом.

Но все же полковника Рыбакова уволили. Стряслось это под новый, 1957 год. В КГБ шли отчетные партийные собрания. На одном из них, где присутствовали оперативники управления, в том числе из отдела Рыбакова, во главе с ним, заместитель председателя Комитета решил слегка пожурить полковника, безобидно и даже с претензией на юмор. Ну невозможно было не «указать на недостатки» отделу! И поскольку таковых найти не сумели, генерал, подняв к небу палец, вымолвил с улыбкой на тонких старческих губах:

– Все хорошо в отделе полковника Рыбакова. Все, да не все! Сам полковник слишком много спит.

Все оживились, посмеиваясь и поглядывая на только что очнувшегося от сладкой дремы Рыбакова. Такие дремы он называл «партийными».

Полковник поднялся, сопя, и громко выдал:

– Когда я сплю, я думаю. И думаю даже когда не сплю, в отличие от вас, товарищ генерал.

Рыбакова уволили сразу после новогодних праздников. Его убедили подать рапорт, пригрозив в случае отказа репрессиями офицерам отдела. Полковник остался верен своим нравственным принципам и подал рапорт. Он был настолько тактичен, что даже не пришел прощаться со своим отделом. Не желал ставить офицеров в неловкое положение.

Власин его запомнил, как и возглас деда, частенько тревожащий его память: «Не сметь! Не сметь!»

Майор Власин бежал со всех ног к первому вагону поезда, чтобы получить все необходимое в дороге у некоего лейтенанта Стойкина, о котором ему говорил Смолянский. Поезд стоял на платформе «Деголевка». Ничего не говорило о том, что он вот-вот зашипит тормозами, зазвенит сцепками и натужно завизжит тяжелыми колесами, трогаясь со своим бесценным грузом – президентом Франции генералом Шарлем де Голлем и его сопровождением.

В аккуратном чистом купе кроме лейтенанта Стойкина сидел нога за ногу Смолянский. Взглянув на майора, он демонстративно потряс рукой с часами:

– Справились, майор! Молодец. Пунктуальность – вежливость чекистов...

– И дураков! – засмеялся лейтенант.

Он был одним из немногих офицеров охраны, который носил форму с темно-синим околышем. Остальные были либо в штатском, либо в форменной одежде других родов войск.

Смолянский, подавив улыбку, покосился на него:

– Не обращайтесь внимания, майор. Лейтенант Стойкин – завхоз, говоря штатским языком. То есть хозяйственник, а им, как и личным водителям, позволено некоторое шутовство.

Стойкину на вид было за пятьдесят. Лейтенантские погоны смотрелись на его покатых плечах, как смотрятся на выгоревшей гимнастерке отставного солдата скромная награда: заслуженно и неизменно.

– Ну, майор, – вновь подал голос пожилой лейтенант, – будем снаряжаться?

– Будем, лейтенант! – вырвалось у Власина.

И полковник, и пожилой лейтенант посмотрели на Власина с удивлением: как, мол, язык повернулся. Власин смутился, опустил голову. Полковник встал, вздохнул и указал Власину взглядом на дверь. В узком коридоре он подошел к окну, оставив майору место рядом с собой. Смолянский недолго разглядывал скучный пейзаж через только что промытое стекло, потом повернулся и с громким щелчком задвинул дверь в купе, за которой остался притихший лейтенант Стойкин. Полковник молчал еще некоторое время, давая майору прочувствовать неловкость начальственной паузы. Насладившись эффектом и оценив раскраснелость Власина, произнес ясно и твердо:

– Если вы когда-нибудь дослужитесь до моего звания или, Бог даст, до генерала, хорошо бы вам удалось, майор, сохранить в себе то достоинство, которое всегда было у боевого старшины Стойкина. Ему лейтенанта дали в сорок третьем за то, что двадцать три дня он один, под Ельней, держал оборону вещевого склада. Без сна, без жратвы. Его забыли вместе со складом – гимнастерками, портянками, сапогами, котелками. А немчура тем временем развлекалась. На спор, сколько, мол, этот чудаковитый выдержит. Двадцать три дня! В подвале, с крысами, в холоде. С пулеметом, десятью гранатами, винтовкой и наганом.

– Как же он выжил? – почти испуганно спросил майор.

– А вот так! Наши отбили. Случайный рейд. За это старшине войск НКВД и дали лейтенанта. У него образование – три класса. Ему генералы кланяются, по имени-отчеству зовут. А вы к нему в том смысле, «такой молодой, а уже лейтенант». Старая шутка, злая.

Власин задумался над абсурдностью того, что случилось с «боевым старшиной», вечным лейтенантом Стойкиным: в глубоком тылу противника сотрудник хозяйственной части войск НКВД в одиночку оборонял портянки и сапоги. Это оценили по достоинству и определили награду – офицерское звание. Впрочем, тогда оно еще, должно быть, называлось командирским. Скорее всего, он был произведен в политурики. То есть в политические руководи-

тели! Над котелками и прочей солдатской дребеденью! Власин вдруг вспомнил, что где-то в эти же дни, там же под Ельней, в воздухе насмерть бились пилоты из французской «Нормандии-Неман» и нашего полка воздушных штурмовиков. Там даже в одном бою 30 августа пропали без вести два французца и двое русских пилотов. А на земле в это время старшина НКВД Стойкин героически оборонял вещевого склад. Как же этот старшина туда попал? Там же немцы были! Ельня ведь переходила из рук в руки. Почему немцы сразу не обнаружили склад, когда выбили наших? Неужели был замаскирован? Абсурд! Впрочем, для Стойкина здесь и находился его боевой рубеж, его государственная граница.

«Господи, – подумал Власин, – что делается-то! Жизнь за портянки! Или, может, это и есть: ни пяди не отдадим?»

Майор тряхнул головой и сказал вслух, чуть хриплым голосом:

– Извините, товарищ полковник, не знал я. Просто обидно немного стало. Извините!

– Ничего, бывает. В другой раз знайте. Получите все необходимое. Стойкин разберется. И идите ко мне, в президентский вагон. Для вас будет особое задание. Секретное! – Он вдруг засмеялся и хлопнул майора по плечу. – И форму, форму снимите. Оставьте у Стойкина. Он вам костюмчик подберет какой следует. Соответственно заданию. Операция «Пальма-Один»!

Глава 7

На берегу широкой судоходной Оби сидел мужчина с раскосыми глазами, глянцево-воронными длинными волосами, заплетенными в две тонкие косички, редкими усами подковкой, с пробивающейся в них проседью. Чистую, почти новую малицу (длинную рубаху из оленьих шкур) украшал яркий орнамент из кружочков и змеек-зигзагов на плечах и груди. Ноги обуты в пимы, сшитые из оленьего камуса. На вид мужичку лет сорок пять, не больше.

Было жарко, поэтому мужчина время от времени приподнимал полы малицы и помахивал ими, вентилируя воздух вдоль потного тела. Острый запах оленьей шкуры, из которой шилась малица, отгонял назойливую таежную мошкарку. Рядом с ним на траве лежал меховой капор с металлическими бляхами на длинных кожаных ремешках.

Русские звали его племя, кочующее в этих местах – в междуречье Оби и Енисея, – самоедами. Но само племя величало себя ненцами, что значит на самодийском наречии – людьми. Ненец – человек! Никто теперь не помнит, откуда взялось его 30-тысячное племя, живущее до сих пор от устья Оби, вдоль всего Енисея, до самого Ледовитого океана. Когда-то очень давно, две тысячи лет назад, в западносибирской тайге и в холодной тундре жили его предки – вольные зверобои, оленеводы и рыбаки. С Приуралья пришли орды гуннов и потеснили древние племена. Началось Великое Переселение На родов, погнавшее одних с юга на север, других с востока на запад. Кровь вольных охотников и гуннов забурлила в одних и тех же жилах, в их общих потомках.

На берега Оби и Енисея в те беспокойные столетия подтянулись древние предки саами. Они учили таежных людей молиться своим богам. Все перемешалось – тюркские лающие наречия, с их жестокой жадой крови, певучие протяжные слова протосаамов и юкагиров, с их угорской обидчивостью и мстительностью. Много позже, четыреста лет назад, сюда пришли русские. Они и назвали кочевое племя самоедами. Только очень немногие помнили, что странное это название происходит от другого слова – самодийцы. Так назывался язык, на котором они говорили.

Оленьё мясо и рыбу они ели сырыми или морожеными, без соли. Ненцы вываривали внутренности рыб и готовили юколу, это непривычное для европейского вкуса блюдо. В жире плавали кусочки вываренной рыбы, икра, лесная ягода. Утром и вечером они пили чай с оленьим жиром, ели несоленую осетровую икру и безвкусное постное осетровое мясо...

...Ненец беспрерывно оглядывался по сторонам, видимо, кого-то ожидая. Он сгребал в ладони мелкие камешки и ловко швырял их в воду. Самые плоские и ровные, прежде чем пойти ко дну, несколько раз подпрыгивали на воде, будто мячики, поднимая вокруг себя брызги.

Неожиданно сзади, совсем неслышно, к нему подкрался пожилой седовласый ненец. Он выглядел очень комично в старом солдатском треухе без шнурков. Встрепанные редкие седые волосы выбивались из-под шапки. Суконный совик, в который старик был одет, представлял собой длинную, серую от грязи и времени рубаху с расшитым на плечах полинялым орнаментом в виде рогатых оленьих голов и огромных рыб с разинутой пастью. Снизу он был оторочен вылезшим лисьим мехом. На ногах были все те же пимы из оленьего камуса.

– Здравствуй, Шаман. Пусть день принесет тебе удачу! – в самое ухо сидящему на берегу ненцу прошептал старик.

Сидящий вздрогнул и отшатнулся.

– У тебя плохая привычка, председатель! Ты подходишь сзади и пугаешь духов, с которыми я беседую... мысленно.

Старик заулыбался беззубым ртом и закивал.

– Ты прав, Шаман. Это во мне живет дух Старого Охотника. Он не позволяет мне ходить, ломая сучья, как медведь, и говорить, громко, как воев волк. Помнишь его?

– Кого?

– Старого охотника Медвежья Лапу.

– Кто же его не помнит! Садись рядом...

Старик сел на береговую кочку, свесив ноги к воде.

– Медвежья Лапа учил дышать тише, чем трава шелестит, а думать дальше, чем летит северный ветер.

– Вот и подумаем... как учил Медвежья Лапа. Скажи, председатель, однако, какое имя он тебе дал при рождении? Ты помнишь это?

– Еще бы! Лисий Глаз. А тебе – Рыбий Хвост. За то, что еще маленьким ты вертелся со взрослыми рыбаками и охотниками как хвост осетра – коли схватишь, до крови обрежешься, – он тихонько засмеялся, но Шаман был суров.

– Послушай, председатель, пора это все забыть! Тебя русские люди назвали Олегом Николаевым, а отцу твоему, который к тому времени давно был в долине мертвых, дали имя Владимир. И в документе написали, в бумажке с фотокарточкой. Забыл?

– Помню, помню. Да и тебя нарекли по-своему. И что с того!

– Это важно, председатель. Сейчас это очень важно. Ты должен звать меня при русских так, как они хотят: Иваном Петровым. А при больших русских шаманах еще и вспоминать моего отца. Помнишь, как его звали?

– Геной. Геной его звали.

– Геннадием, а не Геной. Поэтому я Иван Геннадиевич Петров, а не какой-то там Хвост. Понял?

– Ты – Шаман. Тебя уважает род.

– Для нас, для людей, я Шаман, прозванный Старым Охотником Рыбьим Хвостом. Но только для нас!

– Разве для этого ты позвал меня, Шаман?

Петров встал и оказался достаточно высоким для ненцев человеком, с широкой грудью, гордо посаженной головой и крепкими, как бревна, ногами. Старик залюбовался им и завистливо цыкнул зубом.

– Ты красивый! Большой, как русский человек.

– Они не любят меня. Говорят, порчу им охоту и рыбалку.

– Что еще они говорят?

– А этого мало? Они совсем не эту охоту и рыбалку имеют в виду, которая кормит наши племена. У них свои дела.

– Какие, Шаман? Какие могут быть дела, кроме того, чем занимаются люди?

– Ты хитрый! Ты очень хитрый, Лисий Глаз. Все понимаешь.

– Я старый и глупый. Старше меня нет во всей тайге среди людей. И глупей нет. Мое место в долине мертвых, а я все еще здесь, среди вас, живущих.

Иван Петров нервно прохаживался за спиной старика, что-то ворчал себе под нос. Старик замолчал и уставился в воду, будто силился разглядеть там дорогу в долину мертвых. В тайге заорала птица, поднялся ветер, в воду полетели обломанные сучья, откуда-то из свинцовой глубины выросла тяжелая волна и накатила на берег. Брызги попали на пимы старика и лисий мех подола его летнего суконного совика. Капельки заискрились наподобие бисера. Будто выпотрошенная десяток лет назад старая лиса ожила, встрепенулась. Старик вздрогнул, смахнул узловатой ладонью капли воды и испуганно покосился на Шамана. Тот заметил его замешательство, насупил брови и сделал в воздухе несколько круговых движений руками. Ветер утих, волна откатила и по реке побежала зыбь.

– Не сердь меня, Лисий Глаз. Тебе дали председательствовать в колхозе с моего согласия. Ты это знаешь. Твой чум всегда покрыт летом новой берестой.

– Но и твой мя тоже, Шаман. Разве не так?

– Так, так. Но бересты не хватает на всех. Один из нас должен уйти.

– Ты хочешь показать мне дорогу в долину мертвых?

– Я могу... Могу. Но духи говорят, что тебе еще рано туда. У тебя три жены, председатель Олег Николаев. А русские не любят, когда в одном мя живут столько жен. Тебе нужно заботиться о детях и внуках. У тебя уже есть пять правнуков! О них тоже надо думать! Шибко думать, председатель! Разве ты не хочешь, чтобы твой старший сын стал следующим председателем и получал лучших оленей, прекрасных молодых жен, самую жирную рыбу, новую праздничную бересту и много-много бумажек с русским вождем?

– Ты говоришь, как древний старик. Так не говорят сейчас. Эти бумажки зовут рублями. И ты знаешь это! Ты очень, очень любишь их! Их у тебя много! Великое множество! Целый мешок! И даже два! Зачем же ты говоришь так, по-старому? И разве ты не знаешь, как зовут Великого Вождя и то, что он дал нам свободу?!

– Ты лукавишь, старик! Этого бородатого с голым черепом старика зовут Лениным. Мы это знаем. Все знаем! Но он не твой вождь и не мой! Он уже давно в долине мертвых.

– Нет. Он в большом городе, в Москве. Лежит в ящике, и все к нему ходят.

– Это называется Мавзолей. Там его тело, но душа далеко. У Великого Бога Нума. Она зовет меня, старик! Вот уже две луны я говорю с ней.

– И что же тебе говорит душа Вождя?

Старик недоверчиво покосился на Шамана. Тот быстро присел на корточки рядом с ним и заглянул в глаза. Сизая раскосая злоба блеснула как клинок ножа.

– Она велела мне собираться в путь. Оставить племя на милость «матери земли» – «Я-Небя». И еще отдать всю власть над родом тебе. Так и сказала его душа: Пусть Лисий Глаз, однако, сам ведет род, пусть кочует с сыновьями и людьми. Иначе всех поразит злой Нга, сын великого Нума. Не миновать болезней, голода, смерти! Я просил всеильного Нума помочь тебе! Я «кормлю» его все эти дни свежей рыбой и сухим оленьим мясом. Я оставлю его без пищи, если он оставит нас!

– Что он еще тебе сказал? – насторожился старик.

– А еще он сказал, что Великий Пензер я должен буду передать твоему второму сыну. Ему быть шаманом! Какой же он шаман, однако, без пензера, нашего древнего бубена...

– Что же будешь делать ты?

– Уйду с русскими в Большой Город, а может, и дальше. И ты мне в этом поможешь!

– О! Это правильно! Вождь, хоть и спит в своем ящике, знает, что хочет человек. Но как я могу тебе помочь?

– Очень скоро сюда прилетит железная птица и унесет меня с собой. Свой человек из Томска сказал мне, что из далекой страны в тайгу придет великий воин и вождь, которому нужна большая жертва. Эту жертву, однако, будем приносить мы, люди кочевья. Я повезу жертву чужому вождю и останусь в Большом Городе.

– Разве тебе туда пустят их шаманы?

– Я – Шаман! – он вдруг выпрямился и воздел к небу ладони. – Я тоже Шаман!

Рукава его малицы сползли вниз, оголив длинные жилистые руки с сухими сильными мышцами. Пергаментная кожа, белая под одеждой, обтекала их, как вода обтекает круглые тяжелые камни на дне реки. Старик испуганно отшатнулся и вскочил на ноги.

– Скажи, чем помочь, и я сделаю все!

– Придет время, скажу. Но об этом ни слова! Иначе не видать твоим сыновьям ни власти над кочевьем, ни власти над духами! Помни это!

«Своим человеком из Томска» у шамана Ивана Геннадьевича Петрова был не кто иной, как Артур Егорович Петров, его томский однофамилец.

Глава 8

«Шифротелефонограмма. Начальнику Областного Управления КГБ СССР полковнику Киму Олеговичу Белову.

Примите срочные меры к встрече майора Власина Александра Васильевича, прибывающего с заданием особой важности. Обеспечьте секретность операции „Пальма-Один“. Предоставьте майору Власину автомобильный и авиационный транспорт. Следуйте его инструкциям.

Полковник КГБ СССР П. Б. Смолянский».

Шифровальщик распахнул железную дверь в свою строго засекреченную каморку, уставленную загадочной громоздкой аппаратурой, вышел, привычно вслушался в смачный щелчок замка, подергал для верности дверь и быстро зашагал в кабинет Белова. Двое сотрудников, встретившиеся по пути, с тревогой посмотрели ему вслед. Давненько они не видели такой державной значительности на лице всегда сурового шифровальщика.

«Может быть, война!» – подумали оба, но испугавшись этой мысли, быстро переглянулись и исчезли, каждый за дверь своей рабочей комнаты.

Шифровальщик тем временем достиг приемной кабинета шефа, остановился и красноречиво взглянул на молоденькую секретаршу, которую Белов выдавал за свою внучатую племянницу. Рыжеволосая красотка подняла на шифровальщика томные серые глаза и кивнула. Он, набывшись, глубоко вздохнул и решительно распахнул двустворчатую, обшитую звуко- непроницаемым материалом дверь в кабинет Белова.

Спустя минуту шифровальщик так же стремительно вышел, а в дверях кабинета уже стоял высокий грузный мужчина с совершенно седыми волосами, красным, гладко выбритым лицом, одетый в черный костюм, белую рубашку с темно-серым галстуком. Он строго посмотрел на «внучатую племянницу» и сурово сказал:

– Надежда, оставь все дела. Ко мне оперуполномоченных Тюлина и Колодко, подполковника Рожкова и капитана Рубальского. Быстро!

«Война!» – тоже успела подумать Надя и испуганно ойкнула.

– Что, Кимушка, война? – только и успела спросить она с замиранием сердца, прикрывая крупный губастый рот ладошкой.

– Дура! – заорал Белов. – Вот дура! Придет же такое в голову! – Он захлопнул за собой дверь, и, даже несмотря на звуко- непроницаемость обшивки, Надя все же услышала его удаляющиеся в глубину комнаты слова: – Ну не дура ли! Ну не дура ли?

Через пять минут все были предупреждены и почти сразу собрались в кабинете полковника. Ким Белов сидел за своим столом, доставшимся его управлению вместе со всем зданием от «Крестьянского Банка», сотрудники которого были вполне своевременно расстреляны здесь же, во дворе, на второй год Советской власти. Первым к стенке был поставлен управляющий, которому принадлежал когда-то и стол, и кабинет, и старый насыпной немецкий сейф, навечно вмонтированный в стену. От банкира достались, кроме всего прочего, и кожаная мебель, две тумбочки, три стула и инкрустированный ангелочками и Пресвятой Богородицей палисандровый журнальный столик. В письменном столе, в дальнем ящике, до самого прихода сюда Белова в начале пятидесятых годов, пылились личные письма управляющего, в которых он обещал какой-то неведомой Нелли, что вот-вот бросит все дела, устроит детей «на дальней даче» на все лето и приедет к ней, в Москву, а оттуда они укатят в Париж.

Письма вернулись назад по причине выбытия адресата. Здесь же лежало письмо от некоего отца Симеона, где управляющему сухо сообщалось, что Нелли уехала в Париж с тайным советником Колбовским, не дождавись управляющего из далекого и холодного Томска. Судя по

штампу на конверте, управляющему убивался по поводу измены коварной Нелли не более двух с половиной лет, что по российским понятиям срок небольшой.

После обеда по обыкновению начальник УКГБ поехал на конспиративную квартиру «встретиться с агентом». И по обыкновению же этим «агентом» была его «внучатая племянница», она же секретарь, Наденька Горностаева. В документах с угрожающе важными грифами эта квартира обозначалась аббревиатурой «КК номер 8».

На этот раз полковник был суров и молчалив. Тем не менее «секретная встреча» прошла по давно заведенному сценарию – в широкой теплой постели. Если бы враги сумели проникнуть в святая святых секретной службы, в глубоко законспирированную трехкомнатную квартиру, и записать все, что там происходит во время посещения ее полковником Кимом Беловым и Наденькой Горностаевой, то единственным потребителем важной информации оказался бы сексопатолог, да не всякий, а лишь тот, кто изучает оригинальные сексуальные пристрастия советских «рыцарей революции». И тут мог быть сделан весьма настораживающий империалистов вывод, что «есть еще порох в пороховницах».

Полковник сел на кровати, блаженно вытянув ноги, прикрылся простыней и закурил. Наденька потянула к нему белую соблазнительную ручку и, сделав губки бантиком, просюсюкала:

– Ну, дружок, ну что же ты! Разве труба уже зовет!

– Зовет, – отрезал полковник и косо взглянул на нее.

– И куда же она тебя зовет, Кимушка?

– К нам едет...

– Уж не ревизор ли? – вспомнила Наденька знакомую сентенцию из школьной программы по литературе и засмеялась тихонько.

– А может, и ревизор. Может, судьба моя едет!

– Это то, что «шифрик» притаранил сегодня?

– Не болтай! «Шифрик»! Какой он тебе «шифрик»! Распустилась!

– А кто же он?

Полковник поднялся, упустив простыню. Его широкая спина, мощная шея, потяжелевший зад и длинные волосатые ноги сверкнули в полутьме комнаты мраморной чистотой слоновой кости.

Ким Белов загасил сигарету в пепельнице, что стояла на тумбе возле задернутого гардинами окна, и посмотрел на развалившуюся в постели белую сладкую Наденьку: на ее небольшую молодую грудь, впалый животик, курчавую темную поросль между бедер, крутые беспоясые формы молочного тела. Взгляд его смягчился, но голос по-прежнему, присаженный от волнения, оставался суровым:

– Подполковник Сушков. Вот кто такой «шифрик». Он ежели захочет, такое отбарабанит в Центр, в Первый Дом, что меня, а затем и тебя до самой Чукотки поганой метлой гнать будут. А может, и дальше!

– На Аляску, что ли? – обнаружила вдруг Надя знание географии.

– На Аляску! – передразнил полковник. – В Беренговом проливе как котят утопят!

– Чего мы ему сделали? – надула губки секретарша.

– Болтаешь много.

– Кому это я болтаю, Кимушка! Ты что! Я и не знаюсь ни с кем...

– А Костин?

– Так он же шофер твой!

– Шофер-то он мой, а вот чей он стукач? То-то же!

Надя засмушалась, потому что Толя Костин время от времени предоставлял ей возможность сравнить сексуальные достоинства возрастов – его, можно сказать, почти юного, и пол-

ковника, отмеченного зрелостью и интимным опытом. Как ей казалось, полковник не имел возможности догадаться об этом. Выходит, блефует! Но не тут-то было! Надя, она ведь кто? Она – личный секретарь главного контрразведчика области и за два года своей вольнонаемной службы кое-как оперативную науку постигла. Ее голыми руками не возьмешь... в переносном, конечно, смысле...

– Почему стукач-то?

– Все стукачи.

– И я?

– И ты. Мне стучишь. А что, не так?

Полковник Белов вернулся в постель и лег на спину рядом с Надей. Она обняла его и приткнулась головой ему на грудь.

– Я не стучу. Я делюсь...

– Я же не против. Только ты поосторожней. Побдительней...

– Так я бдю! Как велено...

– Откуда же тогда моя Лилька о нашей «КК» прознала, а?

– Как прознала?

– А вот так! Утром сегодня, за завтраком, говорит: опять пойдешь, мол, со своей Надькой-дурой на секретную хату шпионов ловить? Смотри, говорит, наловишь – никаким керосином не выведешь! Мандавошек, говорит, вы там ловите, а не шпионов!

– Сама она дура! Мандавошка жирная!

– Ты это потише! Чего орешь-то! Жена она мне. Мать моих балбесов, сынов, можно сказать!

– Мать. Мать и есть.

Надя надула губки и отвернулась от Кима. Он тяжело вздохнул и обнял ее. Притянул к себе, и через пару минут вражеский сексопатолог-разведчик смог бы вновь получить изрядную долю информации о состоянии здоровья советских бойцов невидимого фронта. И это, конечно же, еще больше должно было насторожить врагов великого социально-политического эксперимента, деятельные участники которого сейчас обильно потели в конспиративной постели УКГБ области.

Насладившись победами друг над другом и над «вероятным противником», затаившимся где-то между Тихим и Атлантическим океанами, Ким Белов и Надя Горностаева разъединились опять на два самостоятельных тяжело дышащих тела. Они блаженно рассматривали недостатки давно небеленого потолка. Первой подала голос Надя:

– Так что «шифрик»-то?

Полковник опять тяжело вздохнул:

– Подполковник Сушков!

– Да шут с ним! С подполковником с твоим, Кимушка! Чего он тебе притаранил?

– Я же говорю, едет человек из Центра – майор Власин. Надо встретить, помочь. С секретным заданием.

– Что за задание такое?! И почему только майор?

– Не твоего ума дела, почему только майор! Операция «Пальма-Один».

– Что еще за «Пальма» такая?

– Президент Республики Франция, лично генерал Шарль де Голль и председатель совета министров Алексей Николаевич Косыгин к нам вскорости пожалуют. Вот тебе и «Пальма»!

– Врешь!

– Рад бы! Горькая правда! Представляешь, ответственность! Город, область зачищать надо! Милицию строить! Пожарных, общественность! И все на моих плечах!

– А бал будет?

– Какой бал?

– Ну, этот... для руководящих, так сказать...

– А я и не подумал об этом. Наверное, будет. А как же! Такие гости! В кои-то веки!

– Ты, это, Ким Олегович... Обо мне-то не забудь. А то Лильку свою толстожопую при- тащишь, а я вроде как ни при чем!

В ее голосе послышались нотки, предвещающие очень скорое извержение горячих слез обиды, и полковник поспешил с ответом:

– Не забуду, не забуду! Когда это я тебя забывал?

Надя шмыгнула носом, села на кровати.

– А чего он сюда едет-то?

– Кто?

– Генерал этот, президент.

– Показать ему чего-то хотят. Да я и не знаю. Майор расскажет. А как же! Мы же обеспечить должны! Бдительность проявить! Врага упредить надо!

Надя поднялась и на цыпочках, кокетничая, шмыгнула в коридор, в ванную. Она успела накинуть на себя халатик. Полковник услышал, как зашумела вода, плеснула на разгоряченное молодое Наденькино тело. Белов поежился, представив себе эту сладостную картину, но тряхнул головой, почесал грудь и быстро поднялся с постели. Через пару минут он уже был одет, обут и стучал в дверь ванной.

– Надюша, я в управление! Не забудь запереть как следует квартиру. И не задерживайся! Дел еще полно на сегодня.

Ему не ответили. Только еще мощнее ударила в стены чугунной ванны горячая вода. Молодое тело плескалось под ее жаркими струями, а под шапкой рыжих крашенных волос роились совсем не оперативные мысли: что одеть на бал, кого обезоружить своей изысканностью и как обратить на себя внимание Первого секретаря областного комитета партии, человека строгого, аскетичного и скучного. А то, может, и самого президента-генерала, самого де Голя...

Глава 9

Генерал де Голль, президент Республики Франция, сидел в глубоком кресле, задумчиво глядя в окно вагона. Дробно стучали колеса, по небу плыли тяжелые грозовые тучи. Дождь собирался уже вторые сутки, но так ни одна капелька и не упала на разгоряченную пыльную землю. Генерал недоумевал: все, что связано с Россией, должно было укладываться в две несомненные истины – бесконечные, как космос, территории и непереносимый, почти космический холод. Пока он мог засвидетельствовать только первое – ухабистые дороги, разрезающие Советский Союз вдоль и поперек, действительно были бесконечными и утомительными. Ему казалось, что они не столько связывали между собой поселения невеселых, подчас суровых, людей, сколько, наоборот, разделяли их.

Байконур, больше напоминающий облагороженный русской военной наукой лунный ландшафт, чем местность на той планете, где что-то еще досталось и Франции, давно растворился в степном мареве и остался далеко позади. Часть президентского эскорта вернулась в Париж, а он продолжал свое турне по Южной Сибири в сопровождении нескольких высших чиновников из Кремля, своих адъютантов, русской и французской охраны и немногочисленной прислуги. Председатель Косыгин был уже в Москве, но в ближайшие дни намеревался прилететь в один из самых крупных городов Сибири – Томск и вновь увидеться там с президентом. Туда же должны были слететься и некоторые деловые мужи из Парижа. Все это было связано с производством оптики для русских космических аппаратов.

Де Голль в мыслях раздражался тем, что его не столь уж далекий предшественник, император Наполеон Бонапарт, вел себя с Россией по большей части как грубый варвар, нежели как умный европейский политик. Он потратил на свои русские амбиции миллионы франков, оставил здесь навечно тысячи французских жизней, так ничего и не добившись от этой вязкой для иностранцев страны. Недостойно его гения было заблуждаться в том, что французы вдруг обнаружили бы желание остаться в России, чтобы управлять этим диковатым и упрямым народом.

Ну чего ради было императору вести сюда войска! Чтобы месить грязь русских дорог, мерзнуть в бесконечных степях и непроходимых лесах, умирать от пуль, голода и холода в убогих селениях и жалких провинциальных городишках? Чтобы, в конечном счете, привезти за собой в блестящий Париж назойливый казацкий «хвост», бесцеремонный, яростный, до изумления непосредственный, скрипящий кожей лошадиной сбруи и седел, клацающий оружием, пахнущий потом, водкой и порохом?! Чтобы их луженые глотки орала на весь Париж по-русски: «Быстро!», когда какой-нибудь трактирщик задерживался с неспешным французским блюдом?! Французы усвоили это хамское «Быстро!» и, потешаясь то ли над собой, то ли над русскими казаками, стали называть забегаловки единственно понятным им, французам, русским словом – «бистро», силясь произнести его как можно ближе к оригиналу. На этот раз французское изящество одолело варварское неблагозвучие. История, однако же, знает другие примеры, куда менее потешные...

Генерал де Голль поступал, как он сам полагал, ловчее – тянул Советский Союз под свой протекторат в его извечном конфликте с Америкой, вызывая тем самым недовольство в Новом Свете. Он отказался от участия Франции в Североатлантическом альянсе: генерал, отпуская на все четыре стороны Алжир, более всего ценил независимость собственной страны, куда более древней, чем новообразование на Американском континенте.

Америку бесило и то (должно быть, даже в большей степени, чем все остальное!), что упрямый генерал убедил Францию ввязаться в советские космические программы, да еще в той области, которая в России была почти не развита. Без нее самые амбициозные отрасли русской военной науки работали себе в убыток. Оптические системы были главным элементом в

«высотном» шпионаже, самой точной и самой тайной разведкой, какой занималось когда-либо человечество. Но это было выгодно Франции: во-первых, это многомиллионные заказы на долгие годы, а во-вторых, причастность к космическим проектам, которые сама Франция никогда бы не потянула без Советской России. Кроме того, где можно было найти лучший полигон для испытаний своих точных и тайных систем! Американцы неожиданно для себя получили грозного конкурента, в конечном счете потеряв надолго старых клиентов своей собственной военной оптики. Генерал де Голль «оседлал» русские ракеты, как лихой кавалерист, приделав этим несметным «табунам лошадей», собранным в одно изящное мощное тело, французские «глаза».

Все пока шло так, как он задумал. Единственное, что доставляло генералу неприятность, – плохо им понимаемое, даже порой необъяснимое, досадно навязчивое русское гостеприимство. Все здесь сопровождалось утомительными застольями, нелепыми, сказочно дорогими подарками, бесконечными речами и слюнявыми братаниями. Президента изумляло, что ни разу никто не упрекнул его народ в том, что когда-то, не так уж и давно, часть этого самого народа во главе с маленьким военным гением затеяли в этой стране кровопролитную бойню, унесшую десятки тысяч жизней и осветившую заревом пожарищ первую половину недавнего XIX века. Горела столица, горела Москва! Что сказали бы парижане, если бы русские подпалили со всех сторон Париж? А даже если бы его сожгли сами французы, но лишь потому, что в него рвались русские! Генерал не мог и вообразить себе! Русские же в разговорах с ним словно стеснялись своей памяти, испытывали неловкость за собственную обиду, горький стыд за варварскую жестокость его совсем недавнего предшественника.

Может быть, поэтому воспоминания о той войне вызывали у русских неожиданно светлые, почти ностальгические реакции: мол, а помните, как мы тут постреляли друг друга, а как вы драпали через всю страну обратно к себе в Западную Европу, а как мерзли, а партизан наших помните? Эх, было время! Герои, молодцы! И Наполеон ваш молодец! И Кутузов наш тоже парень не промах! Даром что одноглазый...

Будто речь шла о незабываемом шахматном дебюте, в котором на огромной доске сражались деревянными ферзями, ладьями, слонами, пешками два веселых гроссмейстера, а не гибли в огне и дыму тысячи русских и французов. Ну, были времена! Ну, по толкались мы друг с другом! И никакой злой памяти, никакой мстительности, даже скрытого коварства! Только подарки, тосты, широкие улыбки и неусыпное навязчивое внимание специальных охранных служб.

В вагон вошел адъютант. Он щелкнул каблуками, кивнул и замер перед креслом президента. Де Голль посмотрел на него снизу вверх.

– Позвольте доложить, господин президент!

– Докладывайте.

– Только что пришло сообщение: председатель Косыгин просит отложить вашу встречу в Томске на день, то есть... задержаться в пути. Вам предлагается программа с посещением еще одной местности.

Де Голль тяжело вздохнул и вновь уставился в окно. Адъютант некоторое время потоптался рядом с креслом, потом понимающе склонил голову и тихо вышел из приемной президента, не дождавшись ответа.

А в это время в Томске вот уже третий день разворачивались события, которые удивили бы де Голля куда больше, чем русский космический гений, и потому удивили, что никому не под силу вообразить столь беспрецедентного симбиоза в характере русских: похвальная дерзость в самых сложных интеллектуальных областях человеческого бытия и детская непосредственность в обыденных делах. Подобным вещам во Франции или совсем не уделили бы внимания, или сделали бы это деликатно и тонко, без лихого размаха и пугающей бесшабашности.

Глава 10

Артур Петров насторожился сразу, как только в его маленькую комнатку в правом крыле комсомольского обкомовского здания заглянула переполошенная Майка Ручкина, секретарша Самого.

– Артур Егорович, вас сам, лично...

– Меня?! – после минутного замешательства выдавил из себя почти пунцовый от волнения Артур.

– Вас, вас! И побыстрее!

Волнение Артура вызвано было даже не столько тем, что его, маленького, незаметного комсомольского чиновника зовет к себе Сам, большой важный, перспективный товарищ, сколько тем, что всегда милая с ним Майка вдруг неожиданно перешла на «вы». Ничего хорошего это предвещать не могло.

Шагая по длинному темному коридору, Петров перебирал в уме все, что могло спровоцировать Майку Ручкину на официальный стиль в отношениях: либо он где-то сильно проштрафился спяну и это стало известно Самому, либо его ожидает такое повышение по службе, что панибратствовать с ним не решилась даже Ручкина. Наиболее вероятным виделось все же первое, потому что для второго у Артура Петрова не было решительно никаких оснований.

«Что же я такого навалял?» – варилось в его голове, словно в горячке. В памяти, как картинки в немом кино, пронеслись события последних дней: пьянка «на природе» по случаю дня рождения сразу двух комсомольских вожakov – Владейкина и Корейкина. Орал во всю ширь Томи: «Владейкин-Корейкин, с Днем Рождения! Ура!» Громче всех орал Петров, потому что Владейкин был его непосредственным начальником, а Корейкин – начальником Владейкина. Может, за то, что орал, и ведут к Самому?

А может, за то, что вчера ущипнул у всех на глазах буфетчицу Тоньку? Так ее же все щипают, благо есть за что ухватить! Не ущипнешь, заподозрят в «отрыве от коллектива», в зазнайстве и еще Бог знает в чем! Да и Тонька задницу для дружеских щипков сама подносит к самому носу, когда сидишь в ее буфете за столиком, а она крошки смахивает прямо на пол. Крутит, вертит им и даже с обидой стреляет глазами, если не ухватишь пальцами доступную долю от ее выдающегося зада. Может, он слишком сильно ухватил, слишком страстно? Да вряд ли из-за Тонькиной жопы его бы к Самому вызвали! Что у него, у Самого, других дел нет, кроме Тоньки?

А может, соседи по дому донесли? Не по средствам, мол, живет! Шкаф двустворчатый зеркальный только-только купил, а за ним сразу и полированный стол, и книжные полки, и даже одно кресло.

Егорыч замер в испуге перед дверью приемной Самого. Да, конечно, из-за этого! Не по средствам! Не по чину! Ну не дура ли Катька, жена? Говорил же, не торопись, потерпи, все будет! Нет! Не хочу потом, хочу сейчас, не медля ни дня! А он, замаливая грешки за череду последних пьянок в кругу крупных комсомольских вождей и мелких партийных вожakov, уступил! Вот теперь пожалуйста платить по счетам! Вас побрить, вас постричь? Угу! С вас три с полтиной. Ого!!! Вот тебе и «ОГО!».

Артур Егорович вспотел. Обильно потекли маслянистые капли пота за воротник, покатились по худой спине и были остановлены на поясице тугим брючным ремнем. Он руками завелозил по бедрам, пот скользнул дальше, и Егорычу даже показалось, что он обмочился с перепугу, хотя, конечно же, это был всего лишь липкий противный пот. Волосы на темени и на лбу тоже намокли, нос побелел, заострился. Затошнило, навернулись слезы. Так он и вполз в приемную, неслышно ступая по темно-бордовому ковру. Майка уже сидела за своим столом, как курица на насесте: под нее было подложено сиденье еще от одного стула поверх штатного,

отчего она казалась не то курочкой, не то китайским мандарином, восседающем на своем азиатском трончике.

Майка показала глазами на стул в стороне. Егорыч кивнул и сел на краешек. Со стены на него смотрели портреты московских комсомольских и партийных небожителей. Причем размер партийных портретов был на несколько вершков больше.

«Это правильно! – подумал Егорыч. – Партия – наш рулевой!»

Он вздрогнул оттого, что в голове вдруг стали складываться вполне приемлемые сентенции, много раз виденные на плакатах, читанные в уставах, слышанные в докладах и пропетые в песнях. Порой достаточно знать только их, чтобы без запинки произносить в тех обстоятельствах, когда следует не виновато молчать (иной раз Сам этого не любит!), а искренне и горячо каяться.

Майка подняла тяжелую трубку черного телефонного аппарата и что-то крикнула в мембрану. Головка у секретарши была маленькая, а трубка большая. Казалось, здесь важнее трубка, а голова – лишь малая часть большой и суровой системы, в которой люди лишь временные биологические функции.

Петров догадался, что Ручкина доложила о нем, и весь подобрался, если, конечно, оставалось то, что еще можно было подобрать и даже втянуть в себя, в свое худое, холодеющее от страха тело. Что-то подступило под самое сердце, противно заныло, отчего оно заколотилось громко и высоко, под пересохшим горлом.

Дверь в кабинет к Самому распахнулась, на пороге стоял Он: низкорослый, квадратный, крепкий, как дубовый грубо зачищенный брусок. Редкие белесые волосы зализаны набок. Тонкий пробор бежал от виска к лысеющему затылку. Серые маленькие глазки близоруко шарили по приемной и наконец остановились на Егорыче. Поднимаясь, Егорыч вспомнил, что Сам не носил столь необходимые ему очки лишь потому, что они делали его, как он выражался, похожим на «гнилого интеллигента» и тем самым отдаляли от гармоничного образа боевого и страстного вождя местной комсомольской молодежи.

Петров кивнул и замер, чуть присев на слабых ногах.

– Заходи! – бросил Сам и резко повернулся спиной к Егорычу.

Дверь осталась открытой, и Егорыч видел, как покатился Сам к огромному, словно речной пирс, столу, взгромоздился в кресло и сразу стал высоким и значительным. Егорыч подумал, что, пожалуй, Майка действительно больше похожа на курицу на насесте, а на китайского мандарина смахивает все же Сам.

«И это тоже справедливо!» – совсем уже не к месту ойкнуло у Егорыча в разгоряченной голове.

– Закрывай дверь, садись. – скомандовал Сам.

Егорыч все выполнил тихо и быстро, понимая улыбаясь. Конечно, как же при открытой двери, как же не садиться! Мы ведь все одинаково понимаем, все в одном направлении! Только Вы с верхней полки, а мы снизу, почти распластавшись на полу, к Вашему удовольствию, так сказать...

– Чай будешь? Или чего покрепче? – вдруг спросил Сам, разом вычистив из Егорычевой головы все его гипотезы и испугав еще больше.

Артур кивнул два раза, причем один раз, утвердительно, второй – отрицательно. Но Сам все понял. Он нажал на кнопку, в приемной зазвенело громко и властно.

Майка влетела в кабинет и замерла на пороге.

– Клоповного, империалистического. И лимончик.

Сахарком приправь.

«Коньячку импортного», – переводилось само собой в Егорычевой, окончательно очищенной страхом голове.

– Ну, докладывай, как ты до жизни такой дошел? – Сам с улыбкой посмотрел на Петрова.

– Я, это... – вдруг замурлыкал Егорыч первое попавшее на ум, – я только двумя пальцами, нежно, чтобы не обидеть...

– Чего?

– Говорю, не больно, уважения ради... только...

– Не понял!

– Тоньку за жопу, извиняюсь, ущипнул...

– Какую Тоньку, почему за жопу? – недоумевал Сам.

– Буфетчицу.

– Ну и что! Кто ж такое рядом с этим... терпеть может! Так ты чего, думаешь, я тебя за Тоньку сюда вызвал? – Сам захохотал, соскочил со стула и плюхнулся напротив Егорыча за приставной столик. Он продолжал смеяться и хлопать ладонью себя по коленке. – Да я сам ее и за сиськи таскал, и за все остальное! Что ж из того, в ЦК докладывать?

Егорыч икнул и глупо улыбнулся: мол, поделом Тоньке-буфетчице! Нечего тут! Что ж, из-за нее теперь ЦК беспокоить! У них там, что, в Москве дел по важнее нет или своих «Тонек» не хватает! Косяками небось ходят, жопами по коридорам, на ковровых дорожках, крутят!

Вошла Майка с подносом, поставила на приставном столике две рюмки, наполненные коньяком, бутылку «Наполеона», блюдечко с дольками лимона, присыпанными уже промокшим мелким сахарным песком. И удалилась, тихо прикрыв за собой дверь. Она успела ободряюще блеснуть на Егорыча глазами. Тот заметил это и немного воспрянул духом. Хорошая все же девка эта Майка!

– Насмешил ты меня, Петров. Как там тебя – Артур...

– Егорыч. Только вы запросто. Без отчества можно. Мы ж комсомол! Юность... так сказать... родины. Не заслужили еще отчества-то!

– Не скромничай. Заслужили, Артур Егорович. Иначе чего бы тебя к Первому в область вызывали? Да еще срочно!

Егорыч посинел не то от гордости, что его вызывают к Первому, не то от страха, или от того и другого сразу.

Сам приподнял свою рюмку, призывно взглянув на Петрова и быстро опрокинул ее себе в рот. Крякнул, мотнул головой и ухватил дольку лимона. Когда он его уже проталкивал в рот, Егорыч только успел выпить свою рюмку. Лимонном закусывать не стал – посчитал излишеством для себя, нескромностью совать пальцы в то же блюдечко.

Сам схватил бутылку и, приговаривая: «Что за гадость пьют эти империалисты!», плеснул коричневую, искрящуюся масляной густотой жидкость в рюмки. Он сразу поднял свою и также быстро, как и первую, опрокинул. Потом опять жадно облапил бутылку и опять плеснул, на этот раз только себе, так как Егорыч не успел к тому времени даже пригубить вторую рюмашку.

– Да ты не стесняйся. Пей на здоровье, чтобы врагу не досталось! – чавкая лимонном, приговаривал Сам.

Егорыч впервые пил в его присутствии, да еще с ним. Хорошо хоть, не чокались! А то бы расплескал со страху. Однако коньяк сделал свое теплое дело – Егорычу стало легче, отмерло от сердца, в голове слабо загудело.

– Так чего тебя Первый зовет?

– Не могу знать! Клянусь! Честное комсомольское! То есть партийное! Видел я его только несколько разочков на собраниях! И все!

– Значит, так, – вдруг посерьезнел Сам, поднимаясь на ноги и глядя Егорычу прямо в переносицу. – Возьмешь мою машину и живо в обком, к Первому, как велено. Языком там не болтай! Гляди у меня, Петров! – Он погрозил пальцем и вдруг заулыбался, как показалось Егорычу, чуть заискивающе. – Если чего, не забудь... о друзьях, что выпестовали тебя. В люди, так сказать, вывели. Коньячок-то понравился?

Петров вскочил на ноги и кивнул.

– Вернешься, зайди к Майке, для тебя там пару таких бутылочек оставлю. Я распорядюсь. А как у тебя с квартирным вопросом?

Егорыч испуганно пожал плечами.

– Заходи вечером... сюда, по-свойски. Поговорим, обдумаем, так сказать.

Петров вылетел из кабинета и затравленно уставился на Майку. Дальше все покатило уже будто без его участия, но все же с ним и ради него. Откуда-то вырос высокий блондин, личный шофер Первого, у подъезда стояла черная «Волга» с никелированными дугами и стрелками на крыльях, с блестящим оленем в стремительном прыжке. Потом был серый, как в тумане, город за окнами и крыльцо обкома.

Петров еще не знал, что, выйдя из машины Самого, он делает свой первый нечаянный шаг к далеким Московским звездам, о существовании которых, конечно же, слышал и даже как-то видел, но не мог и допустить столь дерзкой мысли, что к ним уже выложена для него особая дорожка.

Глава 11

Майор Власин сошел по приставной лесенке и махнул пилоту рукой. Тот солидно кивнул, выглядывая в оконце. Власин не успел сделать и десятка шагов, как маленький юркий самолетик развернулся и покатил к взлетной полосе. Его единственный пассажир Саша Власин уже доставлен к месту назначения, а горючего хватит как раз до ближайшего военного аэродрома: заправится и полетит дальше, туда, откуда его и прислали, из эскорта французского президента.

Навстречу Власину по летному полю от служебных въездных ворот торопливо ехала серая «Волга» полковника Кима Олеговича Белова. Полковник вышел из нее, не доезжая метров пятнадцати до майора и, почти чеканя шаг, двинулся навстречу. Майор немного струхнул от неожиданного и незаслуженного, как ему казалось, почета. Полковник был в форменной одежде артиллериста, что майора не удивило – он ведь сам обычно был одет в летную военную форму. Правда, на этот раз на нем был штатский серый костюм, белая рубашка, темно-синий галстук и почему-то коричневые сандалии.

– Другой обуви вашего размера нет! – отрезал лейтенант Стойкин, когда Власин с изумлением протянул ему сандалии.

Власин подумал, что пожилой лейтенант по-своему, по-старшински, мстит ему за тот разговор в вагоне. Пришлось обувать сандалии. Остальное из одежды, подобранной Стойкиным, было вполне сносным, почти не ношенным.

Полковник Белов козырнул и протянул руку. Его вы бритое суровое лицо неожиданно тронула легкая улыбка.

– Ждем. Ждем вас, Александр Васильевич. Пожалуйста в машину. Только прошу вас... разговор начнем в Управлении, не раньше.

– Не доверяете шоферу?

– Стремлюсь доверять, поэтому и не посвящаю в то, что это доверие может подорвать...

– Мудрено, Ким Олегович.

– Служба такая, дорогой вы мой. Ходи да оглядывайся. А тут такое дело! Ну что же это я?! Вы, небось, с дороги устали, проголодались?

– Не успел. Лету с дозаправкой всего-то четыре часа...

– В воздухе энергия расходуется быстрее, чем на земле. Считай рабочий день не ели и не пили. То есть в два раза больше, чем летели.

Он негромко засмеялся, обнажив ряд крепких мелких зубов. Власин успел заметить, что все они как-то по-акульи заострены, чуть желтоватые, сухие.

Ехали около получаса, ныряя под пыльные шлейфы самосвалов, обгоняя трактора, автокраны и разный громоздкий грузовой транспорт. Только ближе к городу дорога стала шире, хотя и по-прежнему с ухабами и ямами, но зато появились и легковые машины, редкие мотоциклы и даже, к удивлению майора, несколько телег, запряженных лошадьми.

Полковник перехватил взгляд гостя и махнул рукой:

– Колхозники. На горюче-смазочных экономят. Говорят им, говорят, а они все туда же! Ничего! Мы с этой отсталостью как-нибудь справимся. Вы не смотрите, что у нас тут провинция. Мы – город студентов. У нас целые районы – одни вузы да общежития. А промышленность какая! «Почтовых ящиков» что грязи!

Грязи действительно было много – на самой разбитой дороге, в оврагах вдоль нее, на улочках, пересекавших шоссе.

Власин понял, что полковник принимает его за москвича, что он не знает о его постоянном месте службы, и зарделся от удовольствия. Вновь, словно касание невидимой шелковой шали, задела его мысли о матери и бабке, которые, быть может, теперь дождутся его... Он улыбнулся и уставился в окно, чтобы полковник не заметил его волнения. Чего доброго решит,

что столичный майор посмеивается над его провинциальной застенчивостью, вызванной, как, наверное, Белову казалось, примитивностью их быта.

На самом деле город Власину нравился. В нем была какая-то трогательная традиционность, сохранившаяся в далеких уральских и сибирских городах, да и во многих русских европейских селениях, расположенных вдоль старого каторжного тракта. Почему именно там, Власин точно не знал. Но ведь имелась на то какая-то причина! Не случайно же так! Ему подумалось, что, скорее всего, бывшие каторжане и ссыльные оседали на этих землях и, оторванные от общения со столицами, волей-неволей культивировали в себе и вокруг то, с чем пришли сюда когда-то, звеня кандалами. Каждая новая эпоха вела по тракту своих каторжан, которые сливались с той генерацией, что прижилась здесь много раньше и уже давно устроила свой быт и состарилась.

Майор подумал, что его ведомство, оказывается, немало сделало для сохранения культур ушедших поколений, нередко выжимая носителей этих культур из столичных обществ на каторжный тракт. Препятствуя возвращению сотен тысяч людей в города, откуда их вырвали с мясом и корнями, размещая насильно в отдаленных поселках, на недосягаемых для современной им цивилизации территориях, чекисты невольно создавали особые анклавные культуры. А местные надзиратели «консервировали» эти сообщества, ограждая от новых веяний из развращенных столиц и, еще чего доброго, из разных там заграниц.

Так, по размышлению майора, в далеких провинциальных уездах сохранилось то, что было бы перемолото в муку в тех же столицах и больших городах жестокими жерновами технократических цивилизаций. Здесь, в глубинке, свил себе гнезда и старый уголовный, и революционно-романтический, и уютно-мещанский, и спесиво-интеллигентский, и даже порой истинно аристократический мир. Они не перемешивались, ворочаясь каждый в своем пространстве, под строгим оком местных надзирателей.

Мысли об исторических заслугах собственного ведомства в сохранении национальной культуры истерзанного тем же ведомством государства, за безопасность которого майор силился отвечать, огорчила его. Ведь не скажешь об этом ни тем, ни другим. Одни поднимут на смех и наплюют в глаза, другие же сурово пригрозят пальцем: не для того прорежали свинцом и плетью наш «новый мир», чтобы уберечь старый в неприкосновенности и чистоте!

Власин тряхнул головой и посмотрел на полковника. Тот косился на майора, думая о чем-то своем.

В управлении пробыли недолго. Полковник вызвал оперуполномоченных Тюлина и Колодко, подполковника Рожкова и капитана Рубальского.

– Товарищи офицеры, предлагаю перенести наше специальное совещание на лоно природы, чтобы маленькими фужерами, но с большим чувством отметить приезд нашего коллеги из столицы, и... попутно обсудить предстоящие мероприятия.

Власину показалось, что он все это когда-то где-то уже слышал. И про «маленькие фужеры с большими чувствами», и про «лоно природы», и «про мероприятия»...

«Вот оно что! – подумал он. – Словно в училищах и высших школах, где мы все когда-то учились, нас вынуждали зубрить несколько десятков словосочетаний, по которым потом, даже в самых отдаленных уголках страны и за ее пределами, любого из нас можно было бы безошибочно идентифицировать. Скучно! Но надежно. Единая культура, круговая порука! Засунь любого из нас под любую „крышу“, и уши вылезут сами по себе! Хоть в цари назначь! Серые с поволокой глаза, сжатые бескровные губы, ограниченный корпоративным образованием лексикон и... безжалостность, недоверчивость, испепеляющая душу зависть, жестокая мстительность в довершение ко всему! Словом, „маленькими фужерами, но с большим чувством...“».

«Лоном природы» оказалась конспиративная дача в пятнадцати километрах от Томска, на берегу реки, за двухметровым забором и вышкой с суровым солдатом. Между мухами сверху и собаками снизу за столиком под навесом сидели люди – офицеры Комитета государствен-

ной безопасности. Мухи наглыми стаями летали над головами, а два охранных оголодавших пса крутились под ногами, унижаясь за подачки с хозяйского стола, мол, хоть крошечку, хоть капельку, хоть чего-нибудь...

Мангал быстро разогрелся, куски свинины, загодя замаринованные Надей Горностаевой, зарумянились, и «конспиративное совещание» началось, время от времени прерываемое разнообразными тостами полковника и хохмача капитана Рубальского.

– Спасибо за то, что так радушно встретили, – взял наконец слово Власин, и все, несмотря на ударивший в голову хмель, мгновенно затихли. – Право, это очень неожиданно и приятно для меня, человека скромного и занимающего невысокий пост в нашем ведомстве. Во-первых, предлагаю выпить за то, чтобы вечно жило наше братство, суть которого понимаем только мы одни!

Все поднялись, в глазах у некоторых даже блеснула слеза. Как сказано! Сразу чувствуется – школа!

– Во-вторых, – продолжил Власин, когда хозяева расселись и звонко, как по команде, захрустели упругими малосольными огурцами, – я вынужден просить вас об особом внимании к тому, что сейчас скажу.

Стаканы, жареное мясо, огурцы и квашеная капуста были немедленно оставлены в покое. На лицах у всех отразилось предельное внимание и почтительность к большой государственной задаче, представленной «скромной» личностью майора Власина.

– Итак, товарищи, нам предстоит выполнить две задачи. Первая: обеспечение оперативной безопасности визита в ваш чудесный город товарища Косыгина... – Власин сделал паузу и обвел всех неожиданно трезвым и ясным взглядом. Удовлетворенный увиденным, продолжил: – и президента Республики Франция генерала Шарля де Голля. Надеюсь, вы понимаете, всегда найдутся недоброжелатели, даже, можно сказать, враги, которые пожелают сорвать к чертовой матери наши мирные инициативы. В то время как все прогрессивное человечество с надеждой взирает на освоение советскими людьми бескрайних просторов космоса, акулы и ястребы... фигурально выражаясь, конечно, стремятся разрушить француско-советскую дружбу, основанную на обуздании, так сказать, того же космоса... о котором я выше уже говорил.

Власин почувствовал мощный прилив необычайного вдохновения, которое, должно быть, посещает вождей в минуты их власти над толпой. Взгляд его блуждал по верхушкам деревьев, поднимался выше к облакам, к слепящему солнечному диску, словно испрашивая поддержки в ожидании всемирного зла, готового обрушиться на родную землю из мрачного враждебного пространства.

Под столом неожиданно тягостно завывала собака. Кто-то нервно пнул ее ногой, и она, отчаянно взвизгнув, откатилась в сторону.

– Ишь, перебивает. Тварь, а туда же. Тоже ведь слово просит! – хохотнул капитан Рубальский, высокий, кудрявый молодой человек, с вытянутым лицом и белесыми, чуть на выкате, глазами. – Да вы не обращайтесь внимания, товарищ майор! Говорите!

Власин вздохнул и хотел было продолжить, но вдруг где-то внутри него, глубоко и неслышно для посторонних, зазвучал суровый голос давно умершего деда: «Не смей! Не смей!» Власин вздрогнул и стал оглядываться, не слышал ли кто еще этот властный окрик. Но, судя по всему, никто из присутствующих и не подозревал, что в майоре госбезопасности могут время от времени звучать неведомые другим призывы и предупреждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.